

Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы

Т.Н. Ушакова

“Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты”
// Сб. под ред. Н.В. Уфимцевой. М.- Барнаул. 2004. С.6-17)

Словосочетание “языковое сознание” в последние годы активно применяется в психолингвистических работах и используется для обозначения тематики психолингвистических симпозиумов и конференций (Этнокультурная специфика..., 1996; Языковое сознание..., 1998; Языковое сознание..., 2003 и др.) Это свидетельствует о том, что названное словосочетание стало термином, удобным для объединения специалистов психолингвистической ориентации. Ставши в известной мере модным, данный термин то же время остается недостаточно определенным и нуждается, по нашему мнению, в некоторых уточнениях.

Авторы термина понимают его как сознание, “овнешненное”, т.е. выраженное внешними, языковыми средствами. Можно видеть, что термин “языковое сознание” составлен из слов, затрагивающих такие понятия, которые относятся к различным, хотя и сближающимся областям знания: психологии и лингвистики. Относительно языка в лингвистике дано очень много определений. Наиболее простое из них я встретила у Соссюра, считавшего, что язык состоит из лексики и грамматики. Есть и другие точки зрения (Соссюр, 1977). Например, Ю.Н. Караулов дает 5 различных определений языка (Караулов, 1996). Так что, видимо, с характеристикой языка дело обстоит не совсем просто.

Еще более сложно положение с пониманием сознания. До сих пор две науки в основном занимались этой темой: философия и психология. В обеих науках о сознании сказано многое, но ясности достигнуто совсем мало.

Тема идет из античной философии (Аристотель, Платон). Позднее в нее включились крупные психологические имена: В. Вундта, В. Джемса, Э. Гуссерля. В свое время по теме много работали и писали наши психологические отцы-основатели: С.Л. Рубинштейн (1998), А.Н. Леонтьев (1975). В наши дни наблюдается всплеск интереса к

психологическому исследованию сознания. Е.Н. Соколов разрабатывает тему нейронов сознания (в печати). Интересную книгу по теме выпустил недавно В.М. Аллахвердов (2003). Привлекает внимание недавняя теоретическая статья В.Ф. Петренко (2002). Возникли психологические подходы к экспериментальному исследованию сознания: усилиями Е.Ю. Артемьевой, В.Ф. Петренко, их соавторов и последователей разрабатывается экспериментальная психосемантика. Предложены психотерапевтические техники изменения сознания, существует практика гипноза.

Все это увлекательно, но здесь хочу не обсуждать эти идеи и работы, а рассмотреть вопрос о том, что такое конкретно языковое сознание, какова его возможная дефиниция, какие вопросы встанут перед исследователем в связи с определением основного понятия.

Поэтому обращусь сначала к характеристикам, присущим феномену сознания человека. Согласно С.Л. Рубинштейну, сознание - это психическая деятельность, состоящая в рефлексии мира и самого себя. "Единицей" сознательного действия является целостный акт отражения объекта субъектом, включающий единство двух противоположных компонентов: знания и отношения (1998, с. 280).

По А.Н. Леонтьеву, "Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния" (1975, с. 167). Функция сознания состоит в том, чтобы субъект мог действовать на основе возникающего субъективного образа. В характеристике феномена сознания А.Н. Леонтьев подчеркивает его системность и описывает его психологическую структуру, включающую значения, личностный смысл и чувственную ткань. Причем последняя придает реальность сознательной картине мира.

Интересные характеристики феномена сознания мы находим у Тейяра де Шардена (1955). Рассматривая "подъем сознания" как ступень в общем ходе эволюции земли, живого, человека, автор наделяет сознание такими качествами, как способность мыслить, творить, производить ментальные операции абстрагирования, обобщения и, что особенно важно, - осуществлять рефлекссию. По Тейяру, эти психические качества лежат в основе возникновения так называемой ноосферы, содержащей плоды человеческого хозяйствования на земле, создание промышленности, сельского хозяйства.

Эти определения хороши, но очевидно недостаточны для конкретной характеристики интересующего нас феномена. Хрупким оказывается само явление сознания: согласно

существующим характеристикам, оно то присутствует, то исчезает. В психологическом плане объект может быть то осознан, то выскользнуть из сознания. Человек может быть в сознательном состоянии и потерять сознание. По Аллахвердову, сознание может быть связано, и достаточно сложно, со многими когнитивными процессами: восприятием, памятью, вниманием, мышлением, др. психическими функциями. Аллахвердов, в частности, предлагает считать, что существуют разные виды сознания (сенсорного и моторного типа).

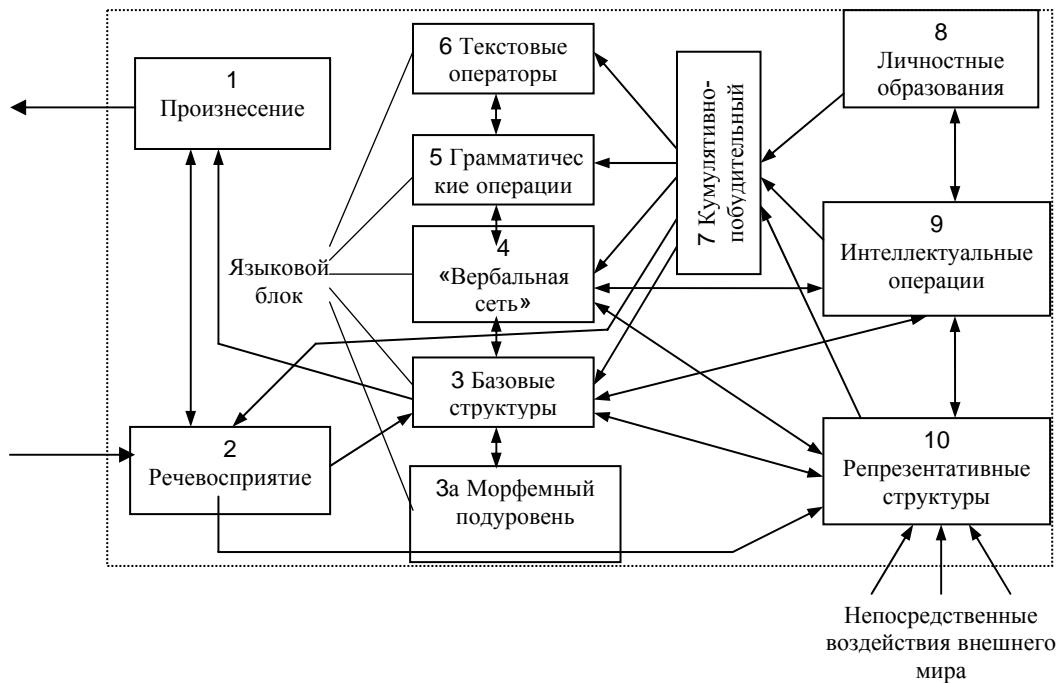
Не плавая слишком долго в море встающих проблем, попробую приблизиться к нашей задаче: по возможности четко формулированию понятия *языковое сознание*. Это понятие представляется интересным в двух отношениях. Во-первых, оно укореняет связь лингвистического явления (языка) с психологическим феноменом (сознанием). Это важно на фоне попыток разделения и установления искусственных границ между психологическими процессами, семантикой с одной стороны, и языковыми средствами выражения мысли человека, с другой, т.е. в более общем плане - между психологией и лингвистикой. Одновременно оно выхватывает как бы центральное звено всей психолингвистики, обнаруживает ее средоточие. Во-вторых, понятие языкового сознания важно для уточнения психологического определения самого сознания, поскольку выделяется близкая, но особая область, обладающая своими чертами и спецификой. В частности интересным в этом контексте может быть вопрос о сохранении валидности оппозиции “сознательное-бессознательное” в языковых актах и процессах. Казалось бы, человек всегда говорит в сознательном состоянии, в крайнем случае в состоянии измененного сознания, но бессознательной речи, на первый взгляд, не существует. Однако конкретные факты из области исследования языкового сознания, на которых мы остановимся позднее, обнаруживают, что дело обстоит не столь просто. Во всех случаях исследования в области языкового сознания, надо надеяться, дадут дополнительные опоры для более четкого понимания условий, с которыми связано присутствие или отсутствие сознательного компонента в психической деятельности человека.

Встает вопрос, как подойти к характеристике языкового сознания? В каких внешних языковых фактах видеть его проявления? Могу предложить тот подход, в традициях которого я воспитана. Мой учитель проф. Е.И. Бойко ориентировал меня на то, чтобы психологические феномены, часто ускользающие, нечеткие, рассматривать в связи с их

психофизиологическими механизмами, субстратом, как чем-то устойчивым, на что можно опереться. Он не уважал “бессубстратную” психологию. В связи с этой ориентацией попробую обратиться к задаче определения понятия языкового сознания с позиции модельных представлений.

Аудитории, конечно, известно, что в настоящее время когнитивно ориентированная наука активно пользуется теоретическими моделями для представления сложной реальности когнитивной сферы человека. Эти модели по необходимости, в силу сложности функциональной и структурной организации любого психического процесса, оказываются во многих случаях в силу своей обобщенности также и абстрактными. Но этот недостаток окупается возможностью через их посредство отразить целостную структуру элементов, блоков, ступеней сложного процесса, как и функциональные взаимоотношения элементов рассматриваемой структуры. Специально подчеркнем специфику и условность характера представляемых в моделях блоков и их функциональных взаимоотношений: за ними в конечном счете мыслятся реальные психофизиологические и мозговые процессы, не все из которых на сегодняшний день изучены и могут оставаться лишь предполагаемыми. Названные особенности современных когнитивных моделей тем самым, как это очевидно, ни в какой мере не позволяют аналогизировать их со схемами, применяемыми в радио- и телекоммуникационных технических системах.

Предложено немало моделей речевого процесса. На Западе пользуется известностью модель Волтера Кинча, описывающая процесс семантической обработки воспринимаемой фразы. Структурное строение речевого механизма удачно представлено в модели Вилема Левелта. Мы не задерживаемся на описании этих разработок, поскольку оба варианта моделей рассмотрены нами ранее в наших публикациях (Современная психология, 1999, с. 287-289). В отечественной науке ряд моделей построения предложения разработаны А.А. Леонтьевым (1999), А.А. Залевской (1999), Т.В. Ахутиной (1998). В рассматриваемом контексте для продвижения к поставленной цели мы должны опираться на модель наиболее общего характера, по возможности наиболее полно описывающую основные элементы рече-мысле-языковой системы. На сегодняшний день из всех известных мне наиболее удобна для использования предложенная нами модель (Ушакова, 1991), представленная на Рисунке 1.

Рис. 1. Обобщенная модель рече-мысле-языкового механизма

Обозначение элементов механизма дано на поле рисунка. Стрелками обозначены их функциональные связи. Характеристика блоков и их взаимосвязей даны на основании полученных в наших работах эмпирических данных, а также отчасти на основании общеизвестных жизненных фактов. По рисунку можно выделить три качественно различных совокупности функциональных блоков, расположенных на рисунке по вертикалям: а) периферические блоки восприятия речевой информации и артикулирования производимых речевых звучаний (левая часть схемы); б) собственно языковые структуры, обеспечивающие хранение лексической информации и грамматических операций - слов, их морфемных элементов, межсловесных связей, стереотипов динамических образований (грамматики предложений), последовательных совокупностей предложений (текстов); соответствующие структура помещены на центральной вертикали схемы; в) не-языковые структуры, наиболее тесным образом связанные со смысловым содержанием речи (правая часть схемы), блоки: кумулятивно-мотивационный, когнитивно-интеллектуальных

операций, репрезентаций непосредственных впечатлений, психологических состояний, личностных особенностей.

Опираясь на упомянутые выше данные психологических исследований, можно считать, что блоки последней группы в наибольшей мере являются “носителями сознания”. С помощью когнитивно-интеллектуальных операций осуществляются процессы рефлексии, восприятия, внимания, памяти, других когнитивных форм. На них влияют психологические состояния субъекта, воспринимаемые внешние впечатления. Важным элементом надо признать действие кумулятивно-побудительного блока, связанного с мотивациями, намерениями и конкретно речевыми интенциями говорящего человека.

По модели видно, что многие блоки языкового механизма различным образом связаны со “смысловыми блоками”. Этого рода связи по сути и образуют конкретику исследования языкового сознания.

Одну из мощных линий в этой области составляют лингвистические и психолингвистические исследования вербальных ассоциаций (блок 4 на схеме Рис.1). В связи с этим хочу остановиться на подходе, реализуемом Ю.Н. Карауловым, Ю.С. Сорокиным, Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой и др. (РАС, 1994-1998; Уфимцева, 1998 и др.). Авторы провели обширное исследование ассоциативно-вербальной сети, при котором выявлялись прямые и обратные связи, охватывающие более миллиона словоупотреблений. Получаемые данные рассматриваются в качестве материального субстрата языковой способности субъекта. По мысли авторов, этот языковой тезаурус носителя языка представляет его языковое сознание. В нем выделяется ядро, включающее конечное число “знаний-рецептов”. Полагается, что ядро языкового сознания осуществляет лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющееся на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его языковой картины мира.

Сильная сторона вербально-ассоциативного подхода состоит в том, что он позволяет характеризовать структуру системы в целом, обнаруживает национальную специфику ее организации, выявляет ментальную историю данной популяции. И это, на мой взгляд, - исключительно интересный и нетрадиционный подход к исследованию взаимоотношения сознания и языка.

Ассоциативный эксперимент фиксирует существование сложившейся системы, которая образуется как некоторый конечный результат психофизиологической деятельности, однако в рамках вербально-ассоциативных исследований вопрос о механизмах формирования этой системы не затрагивается. Можно думать, что комплексирование данных, получаемых в лингвистическом эксперименте, с психофизиологическим исследованием межсловесных временных связей позволит ближе подойти к решению вопроса о природе языкового сознания.

Следует также отметить, что ассоциативный эксперимент вскрывает лишь тот пласт функционирования вербальной сети, который связан с *ранее выработанными* межсловесными отношениями. Существует и другая сторона ее функционирования - построенная на экстренных динамических преобразованиях состояний ее элементов. В наших ранних экспериментальных работах с моими сотрудниками и аспирантами, относящимся еще к 70-м годам, показаны разные формы динамических преобразований, происходящих на элементах вербальной сети (Ушакова, Раевский, 1971; Ушакова, Байтикова, 1976, Ушакова, 1979). Среди полученных фактов, пожалуй, наиболее выразительные получены при изучении нейродинамики, протекающей в процессе создания испытуемым осмысленного предложения из предъявленных “рассыпанных” слов, и использовании в экспериментах метода тестирующего стимула. Показано, что в ходе формирования предложения на вербальной сети происходят локальные изменения состояния активации ее элементов, строго соответствующие тому, какое слово становится подлежащим, сказуемым или определением в создаваемом предложении. Помимо этих локальных изменений, наблюдается вовлечение в этот процесс “соседствующих” элементов, связанных с первыми отношениями синонимии, антонимии, однородных, близких по ситуации и т.п. Показано, таким образом, что вербальная сеть - арена действия системных психофизиологических процессов в ходе развертывания лингвистических операций. Вербальная сеть не только пассивный хранитель накопленного языкового опыта, но живой “дышащий” участник нашего говорения.

Отметим при этом, что создание предложений, высказывание, представляет собой одну из основных форм проявления мысли человека, т.е. его сознания. Стало быть, важная характеристика языкового сознания содержится в том, каким образом, на основе каких

механизмов оно осуществляется при продуцировании грамматически правильных осмысленных предложений.

Свою линию в изучении языкового сознания составляют работы, направленные на исследование речевых проявлений, обнаруживающих действие кумулятивно-побудительных сил рече-мысле-языкового механизма (блок 7 по схеме Рис.1). В коллективе нашей лаборатории проведен цикл работ, по изучению интенционального состава публичных выступлений политических ораторов, результаты работы представлены в ряде статей и двух опубликованных книгах (Ушакова, Латынов и др., 1995; Ушакова, Павлова и др., 2000). Анализу подвергались тексты политических выступлений с целью выявления интенций, обуславливающих использование выступающим каждого высказывания. Был развит метод интен-анализа, позволивший выделять речевые интенции говорящего в последовательно рассматриваемых отрезках текстов.

Обнаружилось, что за произносимым текстом стоит система интенциональных направленностей, часто иерархически организованная. В относительно простых по интенциональному составу текстах конфликтного характера такого рода система имеет, условно говоря, “форму треугольника”. Говорящий стремится реализовать в своей речи три вида интенций: дискредитировать противника; словесно защитить себя и отвести обвинения; привлечь на свою сторону аудиторию. По форме этого “треугольника” можно судить об остроте обсуждаемого конфликта. Наибольшая его выраженность сопровождается максимальной нагруженностью его “дискредитирующей” вершины, употреблением слов наибольшей заостренности и обвинительности, сокращением объема слов, выражающих интенции других видов. Существуют индивидуальные особенности в структуре “конфликтного треугольника” у разных диспутантов.

Несколько более сложной оказалась структура выступлений предвыборного характера претендентов на пост Президента РФ. В выступлениях такого рода значительную долю словесного состава занимает анализ ситуации текущего момента. Иерархически наиболее значимой оказывается интенция обращения к аудитории, завоевания ее расположения.

Структуры интенциональных направленностей обнаруживаются в текстах разного характера: газетных и журнальных публикациях, повседневных разговорах, в речевом общении взрослых и детей.

Полученные в исследованиях материалы дают основание для понимания “образа мира” человека в момент продуцирования речи. В своей совокупности упомянутые данные служат развитию значимой стороны рассматриваемой темы языкового сознания.

Любопытные стороны функционирования интенционально-экспрессивного механизма (блок 7 по Рис.1) открываются при исследовании раннего речевого (дословесного) периода развития младенца. Этот механизм начинает функционировать с момента появления новорожденного на свет, что выражается в его первой вокализации - крике. Младенческий крик, плач, а позднее гуление, лепет - начальные проявления способности человеческого дитя выражать свои внутренние психологические состояния с помощью внешне проявляемых вокализаций, осуществляемых на основе прирожденного механизма экспрессии (Ушакова, 2003). Это - речь младенца, не владеющего языком; безъязыковая, но все же речь, ибо главная черта речи - служить внешним выражением внутренних психических состояний. Интенциональные проявления - начальное средство выражения состояний сознания младенца; может быть, это лишь “околосознательные состояния”, но именно с них начинается развитие более зрелых форм обсуждаемого весьма таинственного явления человеческой психики.

Требуется задержаться также на любопытных данных, касающихся спонтанных трансформационных процессов, осуществляющихся в дошкольном возрасте ребенка по отношению к морфологической структуре слова (блок 3а по Рис.1). Исследование детского словотворчества показывает, что в возрасте 2,5-7 лет в психике ребенка бессознательно протекают операции обработки воспринимаемого словесного материала, подчиняющиеся строгим закономерностям (Ушакова, 1979). Последние заключаются в том, что слова, имеющие общие элементы (корневые, аффиксовые) как бы “накладываются” одно на другое, в совпадающих частях происходит суммирование потенциала, а затем, в силу возникающей разницы функциональных состояний в трансформируемом слове, оно распадается на элементы, называемые по лингвистической их характеристике морфами. Выделенные таким путем морфы в отдельных случаях получают самостоятельное существование в речи ребенка. Чаще же они по строгим правилам вступают в новые соединения, образуя теперь уже посредством операции синтезирования новые полноценные, семантически нагруженные слова. Если новое слово совпадает с

употребимыми в данном языке словами, то предваряющие его процессы анализа и синтеза могут остаться незамеченными и проявиться лишь в ускорении темпов усвоения языка ребенком. Если же такого совпадения не происходит, то вновь созданное ребенком слово воспринимается как неологизм, а само явление трансформирования словесного материала оценивается как детское словотворчество. Важно отметить, что аналитические процессы имеют еще одно важное следствие: выделенные на их основе аффиксальные элементы подвергаются еще одной форме синтезирования в виде образования взаимосвязанных обобщенных аффиксальных структур. Последние ложатся в основание систем грамматических и логических категорий и формирования первых детских понятий. Например, суффиксы *-щик*, *-чик*, *-ист* и т.п. оформляют понятие профессии человека, на основе которой ребенок создает свои неологизмы: *амфибист*, *трамвайщик*, *подъемнокранщик*, *зилист* и т.п.

Понятно, что совокупность обозначенных операций, служащих установлению системы понятий, имеет непосредственное отношение к формированию у ребенка “Образа мира” и категорий его сознания. В то же время очевидно, что рассматриваемые обобщенные структуры возникают в когнитивной сфере малыша стихийно, неосознанно, и лишь в позднем школьном возрасте на основе специальных педагогических воздействий могут подлежать частичному осознанию. Приведенные факты показывают, таким образом, что работающие на языковом материале процессы могут быть бессознательными и в то же время быть связанными с языковым сознанием, служить его становлению.

Требуется высказать некоторые суждения и в отношении связи языкового сознания со словами (блок 3 по рис.1). Безусловно, при высокой значимости различных аспектов языковой системы слово остается основным элементом языка и выражения состояния сознания человека. В принципе словом человек может выразить все, что в мире существует и воспринимается. Так, например, Гете двумя словами обозначил высший момент возможного счастья на земле: “Остановись, мгновенье!” Высокое значение слова для интерпретации смыслового содержания текста отражено в мощном развитии направления контент-анализа в психологии и смежных науках.

В большой мере с построением грамматических форм предложений или структуры целых текстов (блоки 5 и 6 по Рис.1) могут быть связаны усилия говорящего для

выражения содержания своего сознания. Свидетельства этому - работа художников слова, поэтов над этими сторонами своих произведений.

Суммируем основные тезисы проведенного анализа:

- Понятие языкового сознания ухватывает важный аспект психолингвистических явлений, подчеркивая неразрывную связь лингвистических проявлений с содержанием сознания человека.

- Для раскрытия содержания понятия “языковое сознание” полезно обратиться к модельному описанию целостной структуры рече-мысле-языковой системы.

- Опора на модельное представление позволяет выделить аспекты проявления языкового сознания в лингвистических реалиях. К ним относятся: структура ассоциативно-вербального тезауруса; отдельные слова; морфемные элементы слов и образуемые на их основе грамматические и логические категории; грамматические и текстообразующие формы; функционирование интенционально-мотивирующего механизма.

- Различаются два вида проявлений языкового сознания: а) связанного с формированием долговременно функционирующих структур ассоциативно-вербальных тезауросов, вербальных сетей, слов, грамматических и логических категорий; б) связанного с организацией динамических процессов на вербальных сетях, словесных структурах, включения грамматических стереотипов, интенциональных направленностей.

Литература

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания. // Языковое сознание: формирование и функционирование. М. 1998. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. с. 35-55.

Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента. // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996, с. 67-97.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.

- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. СПб.: СОЮЗ, 1997.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. - СПб.: 1998.
- РАС: Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.Т. 1-3, кн.1-6, М., 1994-1998.
- Современная психология. Справочное руководство под ред. В.Н.Дружинина, М., 1999.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1955.
- Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских.// Языковое сознание: формирование и функционирование. М. 1998. С. 135-170.
- Ушакова Т.Н. Детская речь: ее истоки и принципы развития. М., 2003.
- Ушакова Т.Н. Функциональные структуры 2-й сигнальной системы. Психофизиологические механизмы речи. М., 1979.
- Ушакова Т.Н. Психология речи и психолингвистика // Психол. журн. Т.12. №6. 1991. С. 12-25.
- Ушакова Т.Н. Природные основания речезыковой способности. // Языковое сознание: формирование и функционирование. М. 1998. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. С. 7-23.
- Ушакова Т.Н., Байтикова Ш.С. Исследование физиологического механизма формирования речевого акта. // Физиология человека, 1976, т. 2, № 6. С. 948-955.
- Ушакова Т.Н., Латынов В.В. и др. Ведение политических дискуссий. М., 1995 .
- Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д. и др. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб.: Алетейя, 2000.
- Ушакова Т.Н., Раевский А.М. О возможности экстренного установления межсловесных временных связей у человека // Журн. ВнД, т. XX1, №5, 1971. С. 1082-1083.
- Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. Отв. ред. Н.В.Уфимцева.
- Языковое сознание: формирование и функционирование. М. 1998. Отв. ред. Н.В.Уфимцева.

Языковое сознание: устоявшееся и спорное. М., 2003. Отв. ред. Н.В.Уфимцева.

Ushakova T.N. Language Emergence in Infants.// European Psychologist. Vol. 5, No. 3, 2000.
P. 285-293.